

Плешков А.А. Истоки философии времени.

Платон и предшественники.

М.: Издательский дом Высшей школы
экономики, 2021. 328 с.

Для цитирования: Вольф М.Н. Рец. на кн.: Плешков А.А. Истоки философии времени. Платон и предшественники // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 440–448.

For citation: Volf, M.N. “Rets. na kn.: Pleshkov A.A. Istoki filosofii vremeni. Platon i ego predshestvenniki” [Review: Pleshkov A.A. The Origins of the Philosophy of Time. Plato and Predecessors], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 440–448. (In Russian)

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время...
Шекспир, 64-й Сонет

Только появившись из печати, книга А.А. Плешкова немедленно привлекла к себе внимание: темы времени и Платона вряд ли когда-либо выйдут из философской моды, и тем более интригующе они смотрятся вместе. Автор обещает новый ракурс в обсуждении предложенных тем. Вместо привычного для историков философии подхода – если ранжировать эти подходы сообразно *стреле времени* – «читать вперед», т.е. рассматривая Платона через призму наследующих ему учений, неоплатоников, Августина и др., предлагавших казалось бы ясный, а главное, *философский* комментарий на то, что же хотел сказать Платон о времени, автор предпочитает «читать назад», размещая учение Платона в контекст предшествующей традиции, и становится, тем

самым, на зыбкую почву древнегреческой поэзии, трагедии, истории, отталкиваясь в своей интерпретации не от философских теорий и строгих аргументов, а от художественных образов и сюжетных ходов.

Читатель, которого привлечет словосочетание «философия времени», скорее всего будет разочарован. Он не найдет в книге собственно *философии времени* или того, как истоки этой философии оформляются в раннегреческой мысли и у Платона. В книге исчезающе мало современных теоретических подходов к пониманию времени, с тем чтобы читатель мог составить себе представление о том, в каком направлении движется современная мысль и каким образом в нее может быть вписан Платон. Не обсуждаются реалистские или антиреалистские подходы, не освещаются их оценки понятия времени, немного говорится о субъективности или объективности времени, но ничего – в контексте современных дискуссий об этом, практически ничего – о релятивности или симультанности времени, нет обсуждения возможных подходов к интерпретациям самого времени – временных дыр, петель, стрел, конусов, путешествий во времени и им сопутствующих временных парадоксов, хотя местами текст чувствителен к этим вопросам и обладает потенциалом для их обсуждения (особенно раздел «Образы вечного», где обсуждается «время богов», с. 36 и далее). Не рассматривается вопрос о применимости аппарата современной физики или математики для решения вопросов времени и полезности этих инструментов для понимания античных концепций и пр., хотя в методологическом введении к книге автор выражает надежду, что реализуемый им «реконструктивистский подход – это привитая к аналитической философии герменевтика», и сообщает, что он черпал вдохновение в современной аналитической философии и аналитической философии религии не меньше, чем в работах Гадамера и Козеллека» (с. 24). Между тем аналитическая философия никогда не обходилась без определенных реверансов в сторону сциентизма и актуальных научных теорий. С другой стороны, «чтение назад», от Платона, и не предполагает, что автору придется «тащить» громоздкие современные штудии по физике и математике в мир эпоса и трагедии.

Из всей современной философии времени автор выбирает два подхода к истолкованию времени – этерналистский и темпо-

ралистский для объяснения интерпретаций вечности (с. 33, 89, 92), согласующиеся с А- и В-теориями времени МакТаггарта (с. 207 и далее), и строит все свое рассуждение вокруг этих двух возможных подходов, показывая, согласуемы ли античные воззрения на время с этими двумя концепциями.

Что же читатель найдет в этой книге? Прежде всего автора интересует наполнение концепта времени в античности до и у Платона, его внутренняя структура – вечность, мгновенность и собственно время. Именно в этих понятиях оформляется и структура книги с тремя одноименными главами. Грубо говоря, если поднятые выше вопросы о философии времени определяются скорее физикой времени, то автор нацелен на онтологию времени (хотя физике времени он также не чужд, но в несколько ином ключе; об этом – ниже). Структура книги – ее выигрышная сторона. Автор анализирует три указанных онтологических состояния времени, разбивая каждую главу еще на 2 части: первая обсуждает контекст заданного понятия, вторая – его содержание у Платона. Выбранные для анализа понятия – это «αἰών, αἰδιος и αἰεί в первой главе, καιρός и ἐξαιφνης во второй, наконец, χρόνος (а также ἦμαρ и ὥρα) в третьей» (с. 25), а контекст задается множеством античных авторов, среди которых солируют Парменид, Гесиод и Эмпедокл в соответствующих главах. Подчеркнем, что такой анализ представляет определенный интерес; в частности, ἐξαιφνης – слово специфическое платоновскому вокабуляру и прояснение его семантики положительно сказывается на понимании терминологических особенностей словаря Платона; καιρός – слово, вероятно популярное в современных риторических исследованиях, публицистике, неориторике, что также делает актуальным его разбор в античных контекстах. Среди платоновских диалогов исключительное внимание автор уделяет «Тимею», в чуть меньшей мере – «Пармениду» и отчасти – «Государству».

Сразу следует отметить, что, несмотря на строгую и соразмерную структуру, лексико-семантический анализ понятий играет в книге преобладающую роль. Для уточнения того или иного значения, демонстрации семантики какого-либо концепта, ее оформления и последующей трансформации автор приводит бесчисленное количество цитат из классических текстов.

При этом возникает ощущение, что книге не хватает аналитичности, она перегружена словами и оттенками их смыслов, описаниями, цитированием, именами, так что местами текст превращается в справочник значений тех или иных концептов. Именно поэтому в эпиграф рецензии вынесены строки из 64-го Сонета Шекспира: кажется, не осталось ни единого понятия и ни единого текста, который бы автор не включил в свое рассмотрение, если только они каким-то образом контекстуально связаны со временем. И хотя предложенная автором выборка представительна и он в неторопливой и обстоятельной манере возвращает нас далеко назад в прошлое, кому-то давая шанс еще раз вспомнить лучшие классические образцы античной поэзии и эпоса, неискушенному же читателю предоставляя уникальную возможность с ними познакомиться, все же такой стиль и подход делает существенный крен в античную литературу, культуру и лингвистику, уводя в сторону от собственно философии.

Впрочем, я осознаю, что такая претензия обусловлена вкусовщиной и элементарной сложившейся практикой разных историко-философских школ – или строить текст более аналитично, стремясь реконструировать или сформулировать как можно более строго возможное рассуждение, аргумент, модель и т.д., или подойти к делу более *à la classics*, в дескриптивной манере, когда целям информирования и убеждения читателя будут служить цитаты и парафразы. Автору книги гораздо ближе последний подход.

Еще одна особенность всех трех разделов, посвященных контексту, также снижающая градус аналитичности текста, – это желание автора широкими мазками охватить все, на его взгляд, имеющее отношение к делу, плотно упаковать в текст все, что имеет какое-то отношение к обсуждаемому вопросу, даже то, что, вероятно, не слишком полезно для ясности рассуждения (однажды избыточно цитируется У. Джеймс в связи с введением технического понятия «мнимого» настоящего (с. 119), подробно обсуждается «щедрая» и «экономная» интерпретации знаков сущего без существенного использования этих концептов для развития авторской аргументации (с. 93–106) и пр.). Автор не углубляется в частности, хотя обставляет ими все свое повествование. К примеру, анализируя апорию о стреле

Зенона (с. 94–96), отмечает неправоту интерпретации ее Аристотелем, который вводит в объяснение апории неделимые «теперь», но не использует потенциал апорий Зенона, в частности, т.н. квантовый эффект Зенона для формирования контекста представлений о вечности, ради которой автором и привлекаются элеаты. Однако в этом есть несомненный плюс, поскольку все это создает определенный контекст уже не только для самих взглядов на время в античности, но и контекст для возможного обсуждения читателем этих вопросов уже на полях книги, на которое у самого автора не хватило бы ни сил, ни отведенного на книгу места. Впрочем, это общий «грех» контекст-ориентированных работ – контекст имеет тенденцию расширяться до бесконечности и вовлекать на свою орбиту бесчисленное количество новых обстоятельств, событий или фактов. В какой-то мере автор поддается этой силе контекста, однако четко держит повествование в заранее оговоренных для него рамках.

В целом все три контекст-обусловленных раздела (бытие Парменида и элеатов, хаос Гесиода, космические циклы Эмпедокла) в процессе чтения казались мне не совсем релевантными *философии времени*, поскольку по большей части имели отношение скорее к онтологии или космологии, нежели к собственной проблематике времени, однако после прочтения раздела «Время у Платона» «пазл» сложился.

Разделы, посвященные вечности, мгновенности и времени у Платона, автор начинает и заканчивает пассажем из «Тимея» (37с–38с, в последней главе расширенном до 39а–е), где Платон дает свое условное определение времени. Фактически на протяжении всей книги автор собирает детали, которые позволили бы уточнить и прояснить это определение. Для этого ему нужны обстоятельные экскурсы в «Парменид», с анализом понятия «настоящее», которое, как мы видим в результате, выпадает из набора измерений времени, фактически исключается из времени, но не может быть включено и в вечность. «Принципиальное значение здесь имеет, – заключает автор, – теснейшая связка между вопросом о времени и вопросом о бытии: категория времени не просто одна из, она ключевая при определении онтологического статуса объекта» (с. 112). Затем автор снова переходит к «Тимею» и демонстрирует на сходных

с «Парменидом» контекстах, что вечность и здесь должна пониматься как настоящее (с. 116 и далее). «Однако если в “Пармениде” настоящее рассматривается как особый конститутивный, но все же элемент времени, то в “Тимее” Платон рассматривает это настоящее как метафизический принцип, говоря о его независимом от времени существовании» (с. 125). Относительно вечности автор заключает, что она есть, во-первых, полнота бытия; во-вторых, принцип единства существующего; в-третьих, вечность есть условие существования самого времени (с. 131).

Переходя от вечности к мгновенности, «третьему виду» наряду с бытием и становлением, автор делает крайне важный вывод о полном совпадении характеристик мгновенности и материи, факт, который обычно упускался в исследовательской литературе. «Мгновенность» материи проясняет многие ее трудные для понимания характеристики у Платона, ее многозначность и разноименность, позволяет понять как именно материя существует, вернее, не-существует. «Мгновенность у Платона обозначает особый способ не-бытия материи – всегда иное и иное, лишенное всякой оформленности, находящееся вне времени, но лежащее в начале и конце всего становящегося необходимого условие космоса» (с. 210).

Совершенно в ином ключе, нежели в «Тимее» или «Пармениде» представляется философия времени в «Государстве», которая обсуждается автором в третьей главе, в разделе «Время у Платона». Автор перечисляет 4 основные черты собственно платоновской философии времени в «Государстве», которые совсем уж мало «тянут» на привычную философию времени: 1) совпадение астрономии с хронологией; 2) зависимость астрономии от математики, причем математика является необходимым условием постижения времени; 3) ограниченность наблюдательной астрономии и требование изучать астрономию через общие положения; 4) неразрывная связь астрономии с психологией.

Соответственно, к концу чтения мы все больше и больше укрепляемся в мысли, что философия времени у Платона – это фактически физика и даже космология, плотно переплетенная с онтологией. Именно в третьей главе автор раскрывает карты:

«копия вечности», тот самый искомый вечный образ, движущийся от числа к числу – не что иное, как небо. Иначе говоря, «временем Платон называет именно движение неба согласно числу» (с. 277), время «можно интерпретировать как определенное свойство неба или специфическое (разумное) восприятие движения небесных светил» (с. 280), «описание организации мировой души, и как следствие, временной организации космоса совпадает с диалектикой “великих родов бытия”» (с. 284), и, наконец, этическое измерение времени: человек должен уподобить свою жизнь божественной причине, поскольку точно так же, как «в своей целостности космос передает истину собственного образца», так и «жизнь человека оказывается прекрасной, счастливой, только если не подвержена разрывам небытия» (с. 287).

Итак, автор пишет не о философии времени Платона как таковой, а о космологии Платона через призму понятия времени, и становятся вполне понятны экскурсы в предшествующих главах и разделах в проблематику бытия. Иначе говоря, если бы автор назвал свою книгу «Семантика времени и космология у Платона», это адекватнее отразило бы ее содержание.

Из всех дискуссионных моментов, которые возникали в процессе чтения книги, позволю себе отметить только один. Наверное, все согласятся, что у каждой эпохи есть свои характерные понятия, описывающие тот или иной концепт. У автора получилось предельно точно показать и динамику, и трансформацию, и сохранность тех или иных концептов, характеризующих различные аспекты понимания времени. Он говорит о некоторых естественных для нас, но трудных для античности аспектах понимания времени (с. 232). Однако при этом он сам не до конца выдерживает этот методологический принцип. А именно для автора настолько *естественно*, что время *течет*, что он даже не обращает внимания, что в приведенной им подборке значений того, что *делает* время (глаголы «давать», «исполнять», «изобличать», «погубить», «скрывать» и особенно много – со значением «ходить» (с. 230–231)) значение «течь» отсутствует. Не встречая в явном виде значения «текучести» в анализируемых текстах, автор тем не менее настаивает: «Можно сказать, что оно течет из неиссякаемого будущего через события настоящего в мертвую

статилу прошлого» (с. 227) или «Текучесть времени также имплицитно уже подразумевалась в рассмотренных примерах. Даже когда речь шла о “пустом” времени у Гомера, χρόνος оказывался тем, что позволяет говорить об изменении» (с. 230).

В отличие от автора я не уверена, что главная метафора в отношении времени, которая для нас давно стала его атрибутом, его *текучесть*, действительно может быть атрибутирована платоновскому, и тем более раннегреческому представлению о времени. Текучесть скорее синонимизируется с изменчивостью (автор чувствует это, см. цитату выше), но неудобна для целей автора, чего он не замечает. Текучесть времени содержит в себе так тщательно избегаемый автором смысл непрерывности времени, который, как он сам же хорошо показал, не свойственен античным представлениям. Говорить о том, что древняя греческая мысль признавала, что время «течет» или «летит», т.е. отождествить его со стрелой или потоком, действительно нельзя. Приведем пример. Платон, согласно сохранившейся легенде (Афиней, Пир мудрецов, 4.174с), – изобретатель ночных часов (будильника) на основе клепсидры, что фактически приписывает ему нахождение *способа измерения времени*. Автор пишет о клепсидах в суде, об их политической роли, равно как о политической роли времени, но не говорит об их бытовом повседневном значении, о том, что простейшие клепсидры стояли в домах на женской половине, и именно женщины следили за измерением времени в доме, тогда как мужчины – за его пределами, в городе, в судах. Именно клепсида как *инструмент измерения* времени обязала нас говорить о том, что время *течет*, капля за каплей вытекая из сосудов *как бы вместе* с водой. Но значение клепсидры не в том, чтобы показать текучесть и тем самым некоторую *субстанциальность* времени, – этот момент так и остается всего лишь *буквальной демонстрацией* принципа действия прибора. Суть ее в том, что она обеспечивает размещение человека на некоторой шкале, ранжирует и лимитирует порядок его действий, его жизненный уклад, ничего не говоря о природе времени. В этом смысле хотелось бы пожелать автору либо усилить свои аргументы в отношении *текучести*, либо в принципе пересмотреть этот момент.

В целом книга оставляет приятное впечатление. Язык книги грамотный, ясный, интересный (за исключением досадного «гилозаизма», непонятно как вкравшегося в текст; очевидно, имеется в виду понятие *гилозоизма*, образованного от двух греческих корней ὄλη и ζώη)). Прекрасные выдержки из античной классики, яркие и внятные метафоры и схемы, наглядные иллюстрации и таблицы – все это способствует наилучшему пониманию задумки автора и вполне позволяет расширить читательскую аудиторию, привлекая всех, от студентов до специалистов, включая тех, кто интересуется классической древностью и темпоральной проблематикой (хотя эта последняя категория, пожалуй, будет мало удовлетворена).

*Марина Николаевна Вольф,
Институт философии и права
Сибирского отделения РАН*